

**ИГОРЬ БЕСКИН
ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВА-БЕСКИНА**

Правда фронтОВОГО разведчика

Выпало – жить!

Татьяна Алексеева-Бескина
Правда фронтового разведчика

«Яуза»

2010

Алексеева-Бескина Т.

Правда фронтового разведчика / Т. Алексеева-Бескина —
«Яуза», 2010

ISBN 978-5-699-40387-5

Потрясающая книга, достойная войти в «золотой фонд» литературы о Великой Отечественной войне! Уникальные мемуары фронтового разведчика, у которого не было и одного шанса на миллион остаться в живых, – но он выжил, чтобы рассказать правду о самой страшной войне в нашей истории. «Двадцать семь месяцев на передовой, в том числе двадцать месяцев в пешей, пехотной разведке, остальное – по госпиталям. Опыт фронта был таков: два-три месяца в разведке – и для большинства война кончалась навсегда или выводила за скобки инвалидом, калекой, кому как повезет. Ему выпало – жить! Лишь троим из ста мальчишек, родившихся в 1923 году, выпал этот жребий!..»

ISBN 978-5-699-40387-5

© Алексеева-Бескина Т., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Часть 1	6
Предваряя рассказы	6
Бал выпускной	10
Ать, два – левой...	14
Край передний	17
Разведка – дело деликатное	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игорь Бескин, Татьяна Алексеева-Бескина

Правда фронтового разведчика

А память готова взорваться опять,

Лишь только ее вы затроньте.

М. Матусовский

Как за левым плечом черт стоит,

Под руку толкнуть норовит,

Как за правым плечом – ангел стоит,

Крыльшиком заслоняет...

Игорь Бескин, Татьяна Алексеева-Бескина

Из сказки

Книга писалась долго и непросто. Когда память почти через полвека начала во сне возвращать немолодому ветерану Отечественной войны осколки прошлого и стали восстанавливаться эпизоды далеких военных лет, он не мог не поделиться ими со мной. Было бы грешно не кинуться к перу и бумаге, то бишь к пишущей машинке, успевая записывать если не дословные рассказы, то хотя бы их фабулу для дальнейшей отработки текстов.

По фрагментикам, по небольшим эпизодам почти два года вели ветеран и я этот диалог с прошлым Игоря, дополняя, уточняя и превращая меня в соавтора. Книгу решили назвать «Выпало – жить!», иначе и не скажешь – жребий судьбы. И появилась первая часть книги «Зарубки на памяти» – автобиографические рассказы, воспоминания фронтовика-разведчика, инвалида войны, полковника в отставке Бескина Игоря Александровича.

Лейтенант фронтовых дней Бескин И.А. успел не только прочесть рукопись этой части, но дополнял что-то ранее ускользнувшее, пропущенное в исходных рассказах. Особенно это касалось эпизодов, связанных с освобождением Холма Новгородской области. Некто Ларри Бургдорф, американец, одно время работавший в России и живо интересующийся историей города Холм, узнал, уж и не помню каким образом, что жив один из участников военных событий 1944 года, – Игорь Александрович. Более того, что им написана книга военных воспоминаний. У самого Бургдорфа оказалась книга Оскара Перро, изданная в Канаде, воевавшего там же, но по другую сторону окопов. Естественно, возник активный контакт, посыпались вопросы Бургдорфа, восстанавливались детали, шло пополнение текста, об этом ниже.

Все мы когда-то присоединяемся к большинству. Не стало и ветерана Бескина И.А., которому выпало прожить 81 год. А раз судьба распорядилась «Жить!», то, естественно, возникла необходимость рассказать о том, как он, из числа немногих уцелевших его сверстников, жил после 1945 года? Как распорядился этим даром судьбы?

Вот и появилась вторая часть этой книги – «Эпилог после эпилога», в которой мы уже вдвоем с Игорем Александровичем, с Игорем «листаем» годы, где я уже не просто соавтор – некто за кадром и где мы – едины и все написано уже от первого лица, от лица соавтора, друга, жены.

Часть 1 Зарубки на памяти

Предваряя рассказы

На воде застыл огромный ярко-красный поплавок бакена. Неподалеку, на хребте большого моста через канал, ровно гудит шоссе, непрерывный поток машин Москва – Петербург, тогдашний Ленинград. Изредка из-под моста с шумом вылетает шустрый кораблик на подводных крыльях или величаво выплывает белая громадина многопалубного пассажирского теплохода – рядом речной вокзал на Химкинском водохранилище. Гладкие волны набегают тогда рядами на песок, раскачивают бакен и дробят отражение леса на другом берегу. Приглушенно шумит шоссе, шелестят волны, с отдаленного пляжа слышны голоса мальчишек, зеленая стрекоза зависла над прибрежной травой. Все в покое, все в движении.

На камне у воды сидит человек и, наслаждаясь теплом, запахом воды, покоем, следит за ритмом волн, бегущих вдоль линии песка. У берега вода чиста и прозрачна. Человек немолод, седоват и грузен. Почти шестьдесят пять лет назад именно с этого места они с мальчишками из Истребительного батальона прыгнули в воду канала. И было раннее утро, и только что ему стукнуло восемнадцать, и на другом берегу ждал мальчишек первый бой с живыми врагами. Был июль 1941-го.

Некоторых людей все время тянет вперед, дальше: а что там, за поворотом? Есть люди, которых влекут ушедшее детство и место, где было хорошо, все ясно, уютно, тепло, душевно, но это не более чем уже пройденные дни, там нет ничего нового, интересного. Но вот почти всех людей в определенном возрасте с неизбежностью, кого в сорок, кого в шестьдесят, а кого и в восемьдесят лет, тянет пройтись по старым дорогам, заглянуть во двор, где прошло детство, выйти на пригорок, откуда любовался далями, потянуть за ручку скрипучей двери почти забытого дома. Зачем?

Некоторых притягивают греющие душу воспоминания прошлого, особенно если многолетнего будущего уже вроде и не предвидится. Большинство, оборачиваясь назад, обнаруживают, что тогда «деревья были большими», что городок мал и убог, что высокие ценности прошлого превратились в ничто, а многое стало смешным в своей малости, ненужности, удаленности во времени. Память, как масштаб жизни человека, его движения, роста, дает пищу размышлениям.

Бывает и так: вернешься в свой тихий, всегда понятный мир прошлого, а там тебя уже и нет, все ушло вперед, все изменилось, стало незнакомым, малопонятным. Здания, витрины, афиши, непривычная глазу одежда на прохожих, не читанные за много лет книги, журналы, твои знания давно устарели, в лабораториях непонятные приборы, шкалы и прочее, все понижают происходящее, а ты – нет. Как будто вышел из тайги, где наблюдал только неизменную и непостижимую природу, а тут все ушло куда-то без тебя и надо либо догонять, либо уходить, если не впишешься в новую жизнь. А можно и оуклиться, сохранить в себе старый, привычный мир, замереть. Это уж кому что на роду написано, каждый сам строит свою жизнь.

Соотнеся прошлое и настоящее, человек осознает, насколько он стал умнее, мудрее, человечнее, насколько он стал Человеком, насколько ушел от своего начала, от своей точки отсчета. Человек ставит рядом себя, сегодняшнего, с собой – прошлым. Человек смотрится в свое отражение.

Отражение – понятие многообразное, многосложное, многоликое. Отразились облака в тихой воде, отразился луч в осколке стекла, отразилось лицо в глазах другого, отразился сам человек в стекле, зеркале – увидел своими глазами. Отразился человек в своем прошлом. Есть большой смысл в том, что человека тянет заглянуть в свои ушедшие дни, оценить их с другой высоты, пройдя по старым дорогам, сравнить себя с тем, кем был много лет назад. Это не ностальгия по прошлому, это потребность развития, становления души человека с нормальной психикой, как бы ни было иногда тяжело это заглядывание в прошлое, особенно военное, фронтовое.

Многое уходит из памяти, но не те нелегкие дни, когда часы иногда кажутся сутками, когда человек весь сжимается в пружину, готовую распрямиться в любой момент. Напряжение этой пружины так и остается следами в памяти, характере, судьбе.

У человека, потерявшего ногу, руку, на всю жизнь сохраняются фантомные боли в несуществующей конечности – руки нет, а болит, как живая. Недавно ученые получили как бы отпечатки биополя человека: у ветерана с ампутированной рукой энергетическое свечение испускали не только живые ткани тела, но и несуществующая рука – сохраняется ее энергетическое биополе, отсюда и поступают сигналы боли. Точно так же психика людская сохраняет отпечаток самых концентрированных по переживаниям дней надолго, навсегда, как ни хотел бы человек от них избавиться, забыть.

Ушли какие-то эмоции, канули в небытие детали тогдашние, казавшиеся существенными, мелочи отсеялись. Память отфильтровала главное – фабулу событий, наиболее существенные фрагменты действий, переживаний. Человек – на войне! Не верьте, когда говорят, что не было страшно, что сплошь только и думали о подвигах, героизме, о защите Родины и полководцах – отцах родных. Человек на войне крутится между двух полюсов: выполнить приказ и не расстаться с единственной своей жизнью, а возможности ограничены узким диапазоном разрешенных его положением действий. Но главное все же было: большинство воевали свято, так как ни при каком раскладе обратного пути не было.

Прошли уже десятилетия со дня Победы. Многое переоценилось, пересмотрено, многому определилось свое место. Девяностые годы вообще поставили под сомнение не только существовавшую официальную историю войны Отечественной, но и историю всей страны. У ветеранов Второй мировой стал появляться «афганский» синдром, мысли о том, зачем вообще нужны были эти гигантские утраты, жертвы, вселенская бойня, затеянная несколькими политиками. Горькое прозрение. И вместе с тем продолжают девальвироваться немыслимые усилия огромной страны, лоб в лоб сошедшейся с черной волной фашизма. Особенно при современном раскладе обстоятельств, когда побежденные и страны, ими в свое время захваченные, живут во много лучше победителей, которым даже отваливали гуманитарную помощь. Исторический абсурд и реальность. Время – лучший историк, все определяет, все раскладывает по совести и правде.

Но тогдашние победители, защитившие свою страну, воевали действительно на грани моральных и физических возможностей, и не рассказать об этом следующим поколениям было бы взять грех на душу. История пишется малыми штрихами, мазками, контурами, слагаясь в достоверную картину жизни людей. И главным в этой истории оказываются не интриги вождей, не решения полководцев, а жизнь человека на войне, в тылу, его мысли, действия.

Десятилетия, прожитые после той страшной войны, возвращают памяти не мальчишеские предвоенные годы, а именно годы, месяцы, дни – те, что называют войной, те, что оказались в жизни фронтовыми. Именно фронтовыми, окопными, а не околофронтовыми, околоокопными.

У каждого, кто жил в те тяжкие годы сорок первого – сорок пятого, была своя Война. У кого-то это была тяжелейшая работа и полуголодное существование на эвакуированном в тыл

заводе, у кого-то кошмарные, как дурной сон, недели, месяцы отступлений, плена, выходов из окружений и других испытаний – от 22 июня до самых подмосковных дач, у кого-то талончики блокадного пайка и свист и взрывы бомб, снарядов...

Война была у каждого своя, независимо от возраста, пусть это были даже отрывочные всполохи памяти ребенка – бомбежка, обстрел поезда, путь по горячей степи в тыл, подальше от линии фронта, три кружочка жира в миске мучной затирухи и ужас потерянных продовольственных карточек. И была грязная, страшная, нудная война тех, кто был на линии огня, тех, кто исковыривал землю окопами, утюжил ее локтями и коленками.

Была Война командующих, генералов, офицеров второго, третьего эшелонов. Генералы – маршалы написали много книг о своей войне. Но те, кто был на линии огня, кто бывал в бою, видел события совсем в других красках, совсем в другом, окопном ракурсе, те, для которых стратегические шаги означали кровавые бои, книг написать не успели, а если и живы остались – не умели, не считая единиц уцелевших писателей-фронтовиков. А что рассказывать, скажет иной фронтовик! Ну, воевали, много ли от каждого зависело, ну, кусочек линии обороны держать, ну, бросок в атаку, ну, «языка» взял. Но именно тут, на микроскопическом, малом, в несколько метров участке фронта для каждого воевавшего принимались самые ответственные решения, где цена неточности – жизнь сотоварищей по оружию, твоя собственная голова.

Много десятилетий назад жизнь втянула его – Бескина Игоря, теперь ветерана, в орбиту беспощадного шквала-противостояния. Двадцать семь месяцев на передовой, в том числе двадцать месяцев в пешей, пехотной разведке, остальное – по госпиталям. Опыт фронта был таков: два-три месяца в разведке и – для большинства война кончалась или навсегда, или выводила за скобки инвалидом, калекой, кому как повезет. Ему выпало – жить! Троице – из каждых ста мальчишек, родившихся в 1923 году, выпал этот жребий!

И вот ветеран понял, что, пока он кому-нибудь не расскажет о своей войне, она его не отпустит, пусть даже слушателями окажутся всего внук, двое-трое друзей, однополчанин, может, успеет подрасти недавно родившийся правнук. Многое невосвратно забылось, но многое, ох многое, из памяти так и не уходит.

Как ни странно, при обилии за послевоенные годы литературы, мемуаров о войне мировой, Отечественной, очень мало рассказано о разведчиках. Читатель вправе возмутиться: как так? А сколько написано о работе наших в тылу врага, о подвигах на грани человеческих возможностей, на грани фантастики! Правильно, более всего написано как раз о разведчиках в тылу врага, на грани приключений, детектива. А вот о разведке самой ординарной, фронтовой, о разведке на уровне полковой, без которой полк воевать не сможет, о разведке, без которой дивизия застрянет, наступление захлебнется, без которой неизбежны лишние жертвы, – по сути, нет книг. О разведке, которая сутки за сутками ведет свой бесконечный поиск днем и ночью, в снегах и болотах, в жару и в холод, ползком, впопых, через минные поля и обратно, с «языком» или раненым товарищем на спине, изо дня в день, из ночи в ночь, – что-то не попадает. Об этом может написать только тот, кто сам был там, в разведке, а не просто на фронте. А вот таких меньше всего и осталось в живых, а уж среди ветеранов и тем более. Так что о разведке стоит рассказать не только потому, что о зенитчиках, о саперах и т.п. есть, а о пешей разведке сказано мало, рассказать следует по долгу памяти оставшегося в живых перед теми, кто давно умолк.

Стоит сказать, что ветеран Игорь Бескин не любит читать книги о разведчиках, смотреть фильмы прошлых лет о них, обо всех этих штирлицах. В книгах таких сплошь героизм, высокие выражения, искренних слов о войне написано совсем немного, раз-два, пальцев на руках хватит, чтобы пересчитать честные книги, а может быть, их еще пишут? Он был свидетелем и участником войны, часто бессмысленной, жестокой, страшной и беспощадной. Более восьмисот дней и ночей варился он в этом ужасном котле, в самом кипящем его слое – на и за передовой, малой песчинкой, молекулой, как миллионы других, недаром фронтовые 365 дней

считаются за три мирных года жизни. И хотя последующие свои десятилетия ветеран не рискнул бы назвать мирными и безоблачными, легкими и безмятежными, как человека его сформировали фронтовые дни, создали его характер, закрепили в нем тот стержень, на который нанизывалась вся последующая жизнь. Каждый рассказывает о том, что ему досталось. Все эти штрихи, фрагменты, может быть, кому-то пригодятся: историю войны, ее трагедию еще предстоит написать, собрав воедино эти осколки, написать по велению души, а не по заказу свыше. Ветерану, пожилому человеку, но все еще фронтовику-мальчишке настало время рассказать о своей войне, о той, что была доступна его пониманию, о войне в небольшом радиусе действия, где что-то зависело от него, от его решений в обстоятельствах, которые были определены ему войной в нижнем, окопном слое ее «номенклатуры». И менее всего хотелось вспоминать о душераздирающих сценах и подробностях, способных вызвать ужас, омерзение, – того, что память старательно уводит в свои глубины. А такого было – через край! Но люди и в этом кошмаре оставались людьми, не позволяли себе давать свободу низменным проявлениям, и было это нелегко. О простом человеке на Войне – об этом рассказы.

Сквозь Войну человек прошел, пробился, продрался, от опасностей не прятался, врагов уничтожал, друзей заслонял, и жребий ему выпал – жить!

Позднее, прочитав написанное, первую часть книги, он приписал к тексту строки Ю. Друниной – поэта-фронтовика:

Запорол я сердце, как мотор, – в нем все чаще, чаще перебои... / До каких же в самом деле пор брать мне каждый сантиметр с бою? / Ничего! / Кто выжил на войне, тот уже не сдастся на гражданке! / С нестерпимым грохотом по мне / проползают годы, словно танки...

Бал выпускной

Выпускные балы, наверно, во всех школах одинаковы: бестолковы, шумны, грустны и дурашливы. Школьные несерьезные отношения вдруг становятся по-взрослому значимыми, приятельски беззаботные – оказываются дружбой на годы. И школа помнится как последний островок прошлого, детского. Были и поцелуи в кустах, и тайно принесенное «взрослое» вино, и небезобидные шуточки. Последний школьный сбор – бал. 21 июня 1941 года. Начиналась жизнь в «после»...

В четыре часа утра в приподнятом настроении после бальной суматохи Игорь влез домой через террасу, чтобы не будить родителей. В маленьком деревянном домике подмосковного тогда Ховрина, куда их выселили с Арбата – сталинской трассы, слышны были любые шаги, стуки дверей. Спать не хотелось, утро расцветало свежее, с высоким небом, густой зеленью сада. Улыбка не сходила с лица – вспоминались шуточки, прощальные проделки, веселье.

На террасе стоял редкий тогда в домах всеволновый приемник 6Н-1, им наградили на работе отца. Включил и в поисках музыки под настроение начал шарить по диапазонам, сняв предельно громкость. Какие-то слова, фразы на немецком, который он прилично знал, заставили насторожиться. На коротких волнах речь звучала особенно возбужденно, причем по разным радиостанциям. Прислушался, пытаюсь понять: «...Советский Союз вероломно нарушил взятые на себя обязательства... отдан приказ вермахту наказать зарвавшихся большевиков...» Как потом оказалось, передавали речь Гитлера. Переключил на советские диапазоны – радиостанция Коминтерна. Было 6.20 утра – передавали урок гимнастики. Снова стал слушать немцев – там сводка Верховного командования вермахта о том, что бомбили Севастополь, Киев, Львов, что на всем протяжении границы войска вермахта перешли ее, сопротивление слабое, Красная армия бежит. Снова – наши: передают последние известия, что-то о стахановцах и – ни слова больше!

Разбудил отца. Тот не хотел просыпаться, ворчал, что, мол, не неси чепуху, перебрал на вечер с друзьями, померещилось. Но, уловив первые обрывки немецкой речи, весь как-то замер, застыл и долго вслушивался, боясь пошевелиться. Уж он-то, побывавший в австро-венгерском плену в Первую мировую, прошедший всю Гражданскую войну, понял, что к чему. Молча, широко раскрытыми глазами отец и сын глядели друг на друга. Каждый мысленно уже сказал себе: это война! Страшное, безжалостное слово, когда она где-то там, и леденящее ум и душу, когда это касается тебя.

В последних известиях по радио в восемь утра о войне – ни слова. Обычный семейный воскресный завтрак оказался скомкан. Было очевидно, что вот-вот начнется реакция на события, неразбериха. И, помня Первую мировую, родители решительно отправились за продуктами – закупать про запас. А Игорь, только что выпущенный из школы ее комсорг, остался верен себе.

В ховринской железнодорожной школе, где он заканчивал десятый класс, существовала «цепочка» для сбора комсомольцев на случай особых обстоятельств, внеочередных комсомольских собраний – учитывалась сельская местность и отсутствие телефонов. Железные дороги в те годы были военизированы, имели политотделы. Это коснулось и школ железнодорожных поселков. По этой цепочке собирали и на такие собрания, когда требовалось кого-то заклеить, осудить от имени народа – это было нормой тех дней, тех понятий. Игорь запустил «цепочку» и назначил срочное комсомольское собрание на 12.00 в школе. Подвернувшиеся были взрослые, родители, пытались пикнуть: не разводи, мол, паники, тем более что неделю тому назад ТАСС призвало не поддаваться провокациям.

В школу пришли не только десятиклассники, было много комсомольцев из девятых, восьмых, уже «ушедших» на каникулы. Выпускники, не зная, в чем дело, были злые, не выпав-

шиеся после бала. А радио молчало! О главном молчало! И тогда Игорь сказал: «Война началась!» Крики, неверие, вопли, митинговый гвалт, пока препирались, в 12.15 из репродукторов потек глухой голос Молотова – заработала школьная трансляция, все молчали, вперившись в рупор радио, как будто в его черной тарелке можно было рассмотреть, что же там происходит, увидеть свое завтра. Тяжкое молчание придавило. Никто не знал, что надо делать, как в таких случаях надо себя вести. Пришел директор школы Олег Семенович Параничев, секретарь парткома. Позвонили в политотдел железной дороги, оттуда срочно потребовали прислать нарочного за пакетом. В пакете предписывалось: всех мальчиков с начальной военной подготовкой – в Истребительный батальон по охране станции Ховрино, девочек – в сандружину при больницах в Лихтеровке и Грачевке. Удивила оперативность распоряжений. Значит, готовились? Шли первые сутки войны...

Два-три дня тревожно слушали радио, но вокруг было спокойно. Бывшие школьники-приятели, даже взяв лодки напрокат под квалификационное шахматное удостоверение Игоря, отправились кататься по Химкинскому водохранилищу. Загорали на пустынных пляжах. Две лодки отплыли далеко и пристали к противоположному берегу. Игорь и другие ребята в третьей лодке присмотрелись – с того берега им сигналили, но, в чем дело, было непонятно. А там оказалась позиция зенитной батареи, и когда пристала к берегу и третья лодка, часовые живо уложили всех на песок лицом вниз. Затем полуголых любителей лодочных прогулок под конвоем провели для выяснения личностей по улицам до Сокола, в военную комендатуру. Лодки остались около батареи, удостоверение пропало. Москва готовилась к худшему, война уже маскировалась на знакомых улицах.

Через несколько дней вызвали в Химки ребят из комитета ВЛКСМ, учкома. Собранным было сказано: положение серьезное, надо готовиться к обороне Москвы. Стало жутко, война где-то далеко, у западных границ, а тут – оборона Москвы!

На следующий день, 3 июля, выступил по радио Сталин, молчавший со дня объявления войны. Вот теперь со всей очевидностью перед каждым встала Война, вот тут пришло понимание, что мирная жизнь не просто хрустнула, надломилась. Она сломалась. Юность вчерашних школьников, выпускников кончилась. Навсегда.

Неделю под Шереметьевом копали окопы, противотанковые заграждения – до Москвы рукой подать, пешком дойти! С 12 июля мальчики стали бойцами Истребительного батальона на Втором посту – ныне станция Моссельмаш.

На станции, в тупике около пожарного поезда, поставили штабной вагон батальона.

Новоиспеченные бойцы были сутки в наряде, сутки – дома. В наряд давали «трофейные» – Первой мировой войны – карабины «манлихер» и противогазы. Распределяли по постам: на охрану сортировочной станции, на охрану железнодорожного и шоссе мостов через канал, на патрулирование по поселку Ховрино – следить за светомаскировкой, которая появилась в первые же дни войны.

Ровно через месяц от начала событий, 22 июля, Москва испытала первую бомбежку. Из Ховрина казалось, что запольхала вся Москва разом. Игорь в тот день не был на дежурстве. Не сговариваясь, малым отрядом – Игорь, Марк Лурье, Мотя Вишняков, Сеня Молчадский – кинулись ни много ни мало – спасти город. Первый пожар, который оказался по пути, – горящая Братцевская птицефабрика. Горело все: здания, деревья, куры. Гвалт, шум, тьма народу – бестолково, крикливо. И тут все накрыла вторая волна бомбежки. Вновь посыпались с неба зажигалки, они злобно шипели, плевались огнем, грозя спалить все оставшееся вместе с людьми. Боролись с ними, кто как мог. Игорь с лихостью схватил бомбу за стабилизатор, ткнув ее в бочку с песком, – рукавица была мгновенно прожжена, а шрам на ладони виден до сих пор.

Через некоторое время, когда очаги пожара были локализованы, малый отряд побежал дальше – горела овощная база у завода Войкова. Уйма зажигалок, все горит вдоль железной дороги, того гляди, займутся шпалы, пришлось пометаться от очага к очагу. Наконец пожары утихомирились, занялся рассвет, бомбардировщики улетели, зенитки смолкли. По домам брели усталые, мрачные, закопченные, у Игоря болела рука, кое-как забинтованная чем попало.

Следующая бомбежка пришлась на его дежурство – патрулирование в поселке Ховрино. Зажигательные бомбы полетели на жилые дома, занялись пожары. Нужно было немедленно погасить огонь, чтобы немцы не увидели стоящие рядом на железной дороге составы с военной техникой. Ближайший к путям пожар, освещавший станцию, жадно лизал деревянный сарай, под угрозой был жилой дом. Шиферная крыша сарая раскалилась, с треском разлетались опасные осколки. Игорь кинулся в дом – надо было чем-то прикрыть голову от осколков, схватил полотенце, крутанул вокруг головы, тут подвернулась кастрюля – каска! Плюхнул кастрюлю на голову – по лицу потекли струи с каким-то знакомым и таким мирным запахом, что-то посыпалось на грудь, плечи. Селедки в маринаде! Чертыхнувшись, схватил, напялил на голову другую кастрюлю – рядом. Сарай удалось быстро раскидать, дом остался целым. Отмывался от селедок дома долго, друзья давали советы – керосином...

В один из налетов немцам удалось поджечь бензовоз по дороге на Головино. Огня было много, дыма еще больше. Бомбардировщики усмотрели там важный объект и сделали еще несколько заходов над этим местом, скинув серию фугасок. На следующий день болотистый мокрый луг под руководством военных был превращен бойцами батальона в «аэродром» – форсированно налепили «ангары» из фанеры, изготовили макеты самолетов и даже успели покрасить их в зеленый цвет. На следующую ночь немцы снова «утюжили» болотистый луг, уничтожали «аэродром». Военные похвалили мальчишек, то бишь Истребительный батальон: Москве досталось много меньше бомб. Пригласили ребят к себе, накормили солдатским обедом. То было уже нелишним: магазины давно опустели, продавались лишь консервированные крабы и мандариновое варенье, которые вскоре исчезли, как и все остальное.

Шел второй месяц войны, дежурства превратились в обязательную непереносимость военного быта. 26 июля Игорь был назначен в группу охраны шоссе моста через канал. Три поста: в начале, в конце моста и на берегу, на мысочке, с которого видно оба береговых устоя – следить, чтобы диверсанты чего доброго не взорвали мост по дороге на Ленинград. Группа, в которой был Игорь, заняла место в окопчике на мыске.

Высоко в темно-синем небе с «не нашим» звуком, уже распознаваемым тренированным ухом, прошли бомбардировщики. Взметнулись прожектора, над городом повисли осветительные бомбы, слышались глухие разрывы фугасок. Над городом шел бой, небо было иссечено прожекторами, пунктирами трассирующих пуль, разрывами зенитных снарядов, отсветами занявшихся пожаров.

Ближе к рассвету, вглядываясь в небо над городом в дымных клубах, стелющихся по ветру, ребята снова слышали «не наш» звук в небе – отбомбившись, самолеты уходили на запад. Рассвет высветил их. Из Тушина запоздало защелкали зенитки. Один меткий выстрел достиг цели! Ура! Самолет задымился, пошел куда-то вбок. Мальчишки, наблюдавшие больше за небом, чем за мостом, ликуя повыскакивали из окопчика. Из самолета что-то посыпалось. Парашютисты! Четверо! Все внимание переключилось на них. Куда приземлятся? Перехватить! Не дать уйти!

Так хотелось непременно совершить подвиг, взять летчиков в плен. А приземлялись летчики на ту сторону канала: бежать вокруг залива на мост, по длинному его хребту – не успеть, уйдут! Ищи потом ветра в поле. И трое ребят решительно кинулись к воде, в плавань,

через канал, оставив одного, который не умел плавать, в окопчике быть на посту и стеречь противогазы и одежду.

Карабины над водой в руках, близка уже середина канала. Немцы успели приземлиться на противоположный пологий береговой склон и, увидев, что к ним плывут люди с карабинами, очередями из автоматов резанули по плывущим. Откуда-то сбоку к парашютистам бежали люди – все, что успел заметить Игорь, плывший на боку, когда почувствовал под водой острый толчок в бедро. С испуга разжалась рука с карабином, и он булькнул в темную воду. Толпа уже подбегала к парашютистам. Игорь крикнул плывущим рядом ребятам, что ранен, и повернул назад, так было ближе к берегу. На другом берегу толпа уже разоружала немцев, которые больше почему-то не стреляли.

Доплыв до берега, Игорь обнаружил, что пуля под водой попала в бедро и уперлась в кость, кончик пули торчал снаружи. Крови было немного, вымыла вода. Что оставалось делать, морщась выковырял пулю из раны и сорвал листок росшего рядом подорожника.

Остававшийся в окопе парень, видевший все происходившее, с ужасом наблюдал за действиями Игоря, который, прихрамывая, побрел домой, кое-как одевшись. Дома сказал, что в лесу напоролся на сук. Мама промыла рану, перевязала, правда, удивилась, как это брюки не пострадали.

Не давало покоя утопленное оружие. Пошел в штабной вагон – доложить о случившемся, повиниться в утере карабина. Ему и в голову не пришло, что это – первое боевое ранение. А сколько их будет впереди?

За карабином несколько дней ныряли, но так и не нашли. За утерю оружия из батальона отчислили, но, учитывая ранение, к ответственности не привлекли.

После войны Игоря – фронтовика, капитана со многими боевыми наградами, разыскали через школу, пригласили в военкомат. Там его ждала медаль «За оборону Москвы», медаль того Игоря – выпускника школы, смешного тощего мальчика с очками-колесиками на самоуверенно вздернутом носу.

Человек сидит на камне у воды, следит за ритмом волн, бегущих по кромке берега. За спиной у него тот окопчик, уже почти незаметный, оплывший. Несколько десятилетий прошло, он давно уже не Игорь, а Игорь Александрович Бескин, полковник в отставке...

И вдруг пришла простая мысль: все фронтовые годы, все непростые годы потом, был-таки у него ангел-хранитель! И первый раз он взмахнул над ним крылом здесь, на середине канала, над этой гладкой водой, в которой мирно плывут отражения облаков, среди которых покачивается бакен.

Ать, два – левой...

Ни чтение умных книг, ни наставления бывалых людей или родителей не имеют такой цены, как собственный опыт. Только собственной шкурой, осознав, что огонь обжигает, что спать можно в любом положении и что песчинка в сапоге на марше способна все вокруг превратить в ад, начинаешь постигать мудрость жизни, ее простые и такие высокие истины. Бесценны собственные синяки и шишки.

Первый день армейской жизни в Тюменском пехотном училище после долгой дороги начался с бани. Добросовестный Игорь сначала не понял, почему парни жмутся и хихикают, когда он решительно схватил квач с полетанью, которую потом надолго запомнил. Выдали одежду, сапоги – выбрал себе посвободнее, чтобы не жали. Навернул, точнее, накрутил впервые в жизни портянки, как получилось, и – на обед, после которого всех построили. В лагерь – 35 километров пешком. Естественно, после первого десятка километров ноги были стерты в кровь. И в первый армейский день пришлось пересесть на телегу, а потом – в санчасть.

Разбитые в кровь ноги не успели еще поджить, как через 10 дней ночью по тревоге училище было почти полностью отправлено, как потом узнали, под Сталинград – шел июнь 1942 года. Ангел снова прошелестел крылом над Игорем.

«5.9.42... Мама, опишу наш распорядок: подъем в 6.00. Первые два часа обычно полит-подготовка, топография или химдело. Это – утренние занятия, начинающиеся в 7.00. В 8.55 завтрак – 200 г хлеба, 25 г масла, 20 г сахара, суп или каша (которая бывает даже гречневой). После завтрака – 6 часов занятий – обычно – тактика, строевая подготовка или огневая... Времени свободного совершенно нет, ибо темп занятий очень напряженный (например, на изучение пулемета дано всего 4 часа...»

«10.10.42... Зачислили нас (человек 40 из всего училища) в специальное минометное подразделение».

«2.11.42... Скоро уже 6 месяцев моей военной службы. За это время многому научился: от мытья полов и чистки картошки до командования минометным расчетом, взводом».

«11.11.42... На днях ходили на двухсуточные учения за 60 км с минометами за плечами, почти без пищи, без отдыха. Потом прямо с марша зарылись в землю, в окопы, отражали нападение «противника» и 12 км бегом преследовали его. Затем опять-таки без отдыха и горячей пищи – домой. Досталось крепко. Дома взглянул в зеркало – страшновато стало... Если бы не предшествовавшая закалка в училище, мне не выдержать такого перехода. Это еще цветики – впереди «timoшенковские кроссы» – лыжные походы на 100 – 120 км. Сверх сил человеческих ничего не делается...»

«4.12.42... И еще один – считаю немаловажный – фактор: пришлось покрутиться среди самых различных людей, потыкаться самым чувствительным местом – носом об острые углы их, получать иногда большие щелчки по этому самому носу... Учеба идет напряженная. Привожу в порядок всю огромную кучу знаний, накопленных в училище, пополняю кучу эту тем, чего в ней не хватает. Учимся и практической жизни на фронте: 2 – 3 дня в неделю живем на открытом (и очень морозном!) воздухе, питаемся концентратами из походной кухни, спим на улице, почти не слезая с лыж. В сутки делаем по 30 – 40 км. Боевой выкладки с себя не снимаем...»

Новое пополнение проходило курс обучения ускоренным темпом, и в декабре колеса под вагонами теплушек простучали: «на фронт, на фронт». Куда – никто не знал, точнее – не говорили.

Двигался эшелон неспешно. На Урале хватили морозы ниже 50, печурки в теплушках были раскалены докрасна, а на стенках вагонов – полуметровый слой льда. Паровозы не кипели, застряли где-то на станции в Башкирии. Сердобольные жители разобрали лейтенан-

тиков по домам – подкормить, обогреть. Игорь решил не только обогреться, но и помыться-побриться, замешкался. Прибежал на станцию – состава уже не было. Таких набралось человек пять-шесть – отставшие от эшелона, дезертиры по законам военного времени. Военный комендант успокоил: скоро пойдет дрезина, нагоните, не горюйте. Хорошо, дрезина оказалась закрытой, домчались до станции Янаул, а состав еще не приходил и ожидался не раньше чем через 10 часов. Молодые лейтенанты, получившие при выпуске денежное довольствие, были при деньгах, а в городке – ярмарка, отмечался мусульманский праздник. Десять часов даром не пропали, а то черт его знает, что ждет впереди! На станции эшелон уже стоял. Нагоняй получили, но все обошлось, снова со своими в теплушке.

На соседних путях в Зеленом Доле остановился санитарный состав с ранеными с фронта. Кое-где из санитарного поезда вышли ходячие раненые продышаться, покурить. Из пассажирских вагонов – офицеры, из теплушек – солдаты. Свежеиспеченные лейтенанты, осмелев, подошли к вагонам. Разговоры, разговоры о фронте, о ранениях. Первые «трофеи» подержали в руках: зажигалки, часы, перочинные ножки, открытки. У раненых – веселые глаза: живые, едут в тыл, дышат таким вкусным морозным воздухом. Лица какие-то непривычные, открытые, приглашающие к общению, мудрые, что ли. Запросто делятся табаком, втягивают в разговор: «Ну, если так, как мы, скоро поедете – живы будете!» Кое-кто ехал в санпоезде уже по второму разу.

Лейтенантам ой как хотелось заглянуть в вагоны к лежащим, но какой-то сковывающий страх не давал сделать шага. А тут еще к санпоезду подкатили розвальни – санки с заиндевевшими сивками-бурками. Из вагонов, из теплушек вынесли по несколько огромных, в рост человека, кулей в мешковине и сложили в санки штабелем. По спинам лейтенантов пробежал холодок – в пути раненые умирали. «Да на каждой крупной станции так», – обыденными головами сказали ходячие. Так же обыденно, как привычное дело, санитары расписались в каких-то ведомостях, возчики сунули бумажки за пазуху, и никто даже не оглянулся вослед убегающим саням.

Поезд, идущий на запад, сипло прикрикнул, лейтенанты поспешили по теплушкам, им вслед благословляюще помахали руки раненых со ступенек также трогающегося санитарного – на восток.

Холодом и нездешним ужасом повеяло от того поезда с ранеными, но никто не посмел показать вида, когда обсуждали встречу на стоянке. Но паршивый холод страха ввинчивался в мозг. Фронт приоткрывал свое безжалостное лицо. Доблестные, героические воины с плакатов, сплошь совершающие подвиги, уходили из сознания, замещались лицами из санпоезда, узнавшими что-то, еще неведомое лейтенантам.

Вчерашние мальчики становились все жестче. Там, в Тюмени, в минометном батальоне старшина одной роты никому не давал житья: хамство, издевательства, мордобой. Полагал, что «строгостью» заработает себе местечко в училище надолго: фронт страшил всех. Из старшины лезла подлость, замашки гулаговского служаки и величайшее презрение к подчиненным, особенно «образованным».

В теплушке он продолжал свои «художества», и как-то само собой вышло, что на крутом вираже дороги, в мороз, посреди тайги эту скотину вышвырнули из вагона под откос в чем был. Помолчали вокруг печурки, и все пошло своим чередом, как и несколько минут назад. Каждому был преподан урок. Вот так – и все! Не знали еще мальчики и не предполагали, с какими типами им придется столкнуться на передовой, где проявляются крайности психики человека – или светлые чистые люди от Бога, на которых можно положиться, как на самого себя, или те, кого не только за спиной, рядом с собой держать опасно, где черная, уродливо сформировавшаяся душа в сложных обстоятельствах высвечивается в ужасающем безобразии.

Эх, мальчики, что-то уготовано каждому из вас, таких одинаковых в армейских одежках, с такими одинаковыми прическами.

Эшелон перебирал шпалы до самого Подмосковья и остановился в Люберцах! В диспетчерской молодому контактному лейтенанту Бескину сказали, что завтра к вечеру эшелон перекинут в Ховрино, на Октябрьскую дорогу. Какие еще могли быть сомнения! После того санитарного поезда оказалось очень важным зайти к родным, попрощаться – мало ли что... Вещмешок через плечо – и рванул в Москву на электричке. На выходе из Казанского вокзала – патрули. Пришлось дать задний ход. На входе в метро – патрули. По шпалам дошагал до Сокольников, там удалось проникнуть в метро и – на Арбат, где жила вся родня. В 1937 году улицу «прочистили»: Сталин ездил по ней за город, и всех, кто казался неблагонадежным, «попросили» с Арбата. Так семья оказалась в домике в Ховрине, сейчас пустом: родители были в эвакуации. Утром трамваями, пешком с пересадками добрался до Ховрина. Эшелон стоял на памятном Втором посту. Начальник эшелона встретил, естественно, разнообразной русской словесностью, понося Игоря в хвост и в гриву: в Москву вслед за ним ушел весь взвод, но так как москвичей во взводе не было, то их всех быстро повывлаживали патрули. Начальство, тоже не зная Москвы, теперь прихватило Игоря с собой – выручать из комендатуры беглецов-неудачников. Из комендатуры всех привели строем, запихнули в теплушку, приставили часового, чтобы снова не рванули куда-нибудь погулять.

Поезд приближался к Бологому, а оттуда – в Едрово, где находился офицерский резерв Северо-Западного фронта. А Игоря опять подвели ноги. Еще до Москвы по дороге разболелся палец. После беготни по городу ногу разнесло, под ногтем образовался огромный нарыв, наступать было невозможно. В госпитале в Гузятине сделали все в лучшем виде – рванули ноготь, резанули нарыв, выписали через несколько дней. Игорь прибыл обратно в резерв. «Где наши?» А нету, говорят, больше ваших! Как? А так! И рассказали, что привезли лейтенантов к штабу армии на машинах, а дальше объяснили: двигайтесь по тропе, протоптанной в снегу, дойдете до нужного места. Провожатого не дали. Путь был неблизкий. Ребята увидели, что тропа огибает большую поляну, скорее целое поле, и решили спрямить путь. Старая истина о том, что тот дома не ночует, кто напрямик ходит, им была неведома, а уж фронтового чутья им только предстояло набираться. Первый взрыв перепугал всех своей необъяснимостью, люди заматались по глубокому снегу, дальше – больше, взрывы, взрывы. Кругом было свое минное поле! Из всех лейтенантов, ехавших из Тюмени в той теплушке, в живых, как оказалось потом, остались трое: Коля Михайлов, лишившийся сразу ноги и потому уцелевший, Юра Доценко, отбывавший в это время на губе грех (будучи в резерве в наряде у продсклада, изголодавшись за дорогу, решил достать из «объекта» вяленую воблю штыком через окошко), да Игорь. Снова ангел-хранитель помахал крылышком над ним, а для Юры хранительницей оказалась вобла, такие-то горькие шуточки...

Край передний

Если в человеке заложено такое, странноватое на первый взгляд качество, как привычка к непривычному, способность быстро адаптироваться к новому, то прыжок в жизнь на передовой линии фронта – не более чем смена обстановки. И вот, наконец, она – передовая линия фронта, от которой до вражеских траншей – рукой подать. Но рядом свои люди, достаточно спокойные – скорее усталые, без паники – скорее равнодушные, погруженные в эту непрерывную, накапливающуюся сутками, неделями, месяцами усталость, в невыспанность, в какую-то обреченность обстоятельствам. Раз люди спокойны – и тебе нечего дергаться. Кое-кто уже виделся многоопытным, скорее мудрым, постигшим генетическую мудрость выживания. Такие потом действительно оказывались самыми интересными людьми.

Под Старой Руссой оборона закрепилась с сентября 1941 года. В январе 43-го, когда Игорь туда прибыл, вдоль всей линии фронта сложились оборонительные позиции с обеих сторон. Активных боевых действий не было, но и спокойной жизни тоже. Такая оборона изматывает больше, чем резкое наступление.

Мальчишка и есть мальчишка, пока получал наставления в штабе корпуса, дивизии, воображал нечто романтическое, героическое. «Передний край» – слова звучали для зеленого лейтенанта возвышенно. Но почему-то становилось жутковато, сосало под ложечкой по мере приближения к этому самому переднему краю.

И вот теперь, высунувшись из окопа и глянув вперед, где был обычный мирный лесок, полянка, одинокое дерево в сторонке, Игорь вдруг понял ужас этого «переднего края». Действительно Край, дальше – противник, смерть, а выглядит все так мирно, так обыденно. Тут, в окопе, справа, слева, сзади – свои, товарищи, ты защищен, а вот впереди – пропасть – от слова пропасть, что ли?

Первые фронтовые сутки в полку начались, как учили: принял минометный взвод, осмотрел позиции. И вот тут через некоторое время началось для Игоря то, о чем свежее испеченным лейтенантам не говорили. Наступал вечер, куда деваться? Из вещей – только содержимое вещмешка. Где пристроиться спать, что поесть? Солдаты, доброжелательно принявшие нового командира, тощего очкарика, младшего лейтенанта, быстренько потеснились, место в общей землянке нашлось. В полутьме, духоте солдатских ароматов, среди тесно прижавшихся тел было все-таки уютнее, чем на ночном январском снегу. Печурка мирно гудит, не умолкает, потрескивают дрова. Все по очереди дежурят у печки, включился в это дежурство, тем более что настоящий сон так и не приходил. Первая ночь была какая-то рваная, тягучая.

А ночи на переднем крае сразу понравились своей необычностью, торжественностью, щекотавшей нервы таинственностью. Остановившиеся в вышине неяркие звезды небесные и подвижные звезды земные – там чиркнут трассирующие, там полыхнет осветительная ракета, пролетит самолет, отдаленная стрельба по нему, всполохи и гул дальних перестрелок, расцветающие и увядающие цветы дальних разрывов. Приглушенная канонада дохнет где-то в морозном воздухе, всполохи за горизонтом беззвучны, что там? Вся ночь какая-то пунктирная. То вдруг где-то на фланге перестрелка, то глухая тишина на несколько минут, комариное пение мотора в небе, сухие хлопки разрывов – и снова тишина. Даже романтично. Но это скоро прошло.

А утром не доставили завтрак. Игорь, приняв командование взводом от старшины, не представил строевую записку, в которой каждый вечер докладывается командованию список наличных людей, кто ранен, кто убит, сколько прибыло, наличие боеприпасов и прочее. Этому не учили, а старшина, сдавший взвод, решил, что новый командир сам все знает. Солдаты поскущели, а резковатые даже сильно осерчали на зеленого командира. И этот первый урок

запомнился на все фронтовые дни. Об этих бумажках он никогда уже не забывал, хотя к штабным бумагам, которых уйма, испытывал всегда потом тоскливую ненависть.

Доктор физ.-мат. наук, профессор Болтакс Б.И. Командир 312-го Новгородского стрелкового полка

На следующий день решил пострелять из миномета. Солдаты сразу подсказали: с основных позиций нельзя – демаскировка. Попросил разрешения у командира батальона капитана Синицы-Сороки, заодно подивился подобранным птичьим фамилиям всех комбатов: Голубев, Воробьев, Синица-Сорока. Взял одно отделение солдат, расчет. Миномет оттащили подальше от позиций, изготовились к стрельбе. Попытался командовать «как учили» – орал все положенные команды. Солдаты, переглянувшись, поулыбались, хотя вида и не показали, все команды исполняли исправно. Выпустили десяток мин. Хотел было выглянуть, проверить точность попадания, но его удержали:

– Слышь, лейтенант, давай уходить: сейчас накроют!

Игорь сообразил, и верно: стрельба в неурочное время, в непонятном для противника месте, цели случайные. Быстро разобрали миномет, и только успели отойти в траншею, как взбаламученные немцы откуда-то издали рывкнули из шестиствольного миномета. Понял нехитрую истину, так сказать, основной прием минометчиков: обстрелять и спрятаться – пока мины еще летят. А через несколько дней, поразмыслив и подсчитав, недаром был изобретателем в детской школе «Архимед» в московском ЦПКиО, прикинул возможности. После нескольких тренировок при всеобщем восхищении командиру взвода уже удавалось «навесить» до 30 мин – от первого выстрела до первого разрыва, пока мины рвались там, в немецких

траншеях, успевали сняться и сменить позицию. При такой стрельбе создавалось впечатление, что стреляют сразу из нескольких мест, по крайней мере взвод минометов, а не один. Не говоря уже о солдатах, уважали и офицеры из соседних рот.

Но это было уже через недельку-другую, а пока через пару дней своего командования крепко разругался со старшиной роты, который, чувствуя неопытность не обстрелянного во всех отношениях новичка, попытался жульничать на водке, пайках для взвода. Для солдат Игорь стал уже своим.

Переводчица 312-го полка Тимофеева Л.П. 1943 г.

Пошла третья неделя его пребывания на передовой. Уже меньше любовался зимними ночами и тихими утрами, все больше на глаза теперь попадались следы недавних обстрелов, убитые, горелая техника, ржавое железо. Фронтовой быт решительно затягивал в свое разнообразное однообразие.

«4.1.43... Приобретаю многие фронтовые привычки: ежедневные умывания снегом, неприхотливость в еде, крайнюю опрятность (это железный закон здоровья, только здесь чувствуешь необходимость ее)...»

«8.2.43... На бумаге, как видишь, присланной же ручкой пишу это письмо. Бумажный голод достиг у меня апогея – утреннее письмо писал на обороте листовок...»

Утром примчался посыльный: младшего лейтенанта Бескина – к командиру полка.

Прохватил легкий мандраж – вроде все в порядке. Срочно отмылся, подшил свежий воротничок, побрился, сменил валенки на сапоги и отправился по вызову.

О командире полка был уже наслышан. И не только то, что землянка у комполка удивительно чистая, с окном, с лампой от аккумулятора, и то, что по вечерам иногда слышали, как он играет на скрипке, конечно, когда полк на пополнении стоит.

Подполковник Борис Иосифович Болтакс принял полк недавно, сменив Черепанова Корнилия Георгиевича, которого назначили командовать дивизией. Борис Иосифович попал на фронт командиром стрелкового батальона. В мирное время – крупный ученый, физик, доктор наук, работавший одно время с академиком П. Капицей в Кембридже, отлично владевший английским, немецким языками, человек выдержанный, вежливый, никогда не повышает голоса, не то чтобы материться. Позднее Игорь узнал, что, когда срочно начали собирать физиков-атомщиков, спохватились: Болтакс – на передовой. Но Борис Иосифович твердо сказал: нет уж, теперь до Победы не трогайте, и рапорт об увольнении из армии действительно подал 9 мая 1945 года. Уже после войны Игорь, сохранивший большую и теплую дружбу со своим бывшим командиром полка, с интересом разглядывал английские, шведские издания трудов его: науке Борис Иосифович был верен во все дни своей жизни, немало вложил своих знаний в развитие физики, в подготовку будущих ученых. И вот этот человек ожидал Игоря в землянке.

Адъютант привел к командиру полка, спустились в землянку, действительно опрятную, чистую. За столом кроме Болтакса – капитан Сурженко из строевого отдела и женщина, лейтенант административной службы. Доложил: «Прибыл!»... Болтакс поздоровался за руку, но сесть не предложил. Взял у капитана личное дело лейтенанта Бескина.

– Вот тут у вас записано, что владеете немецким языком. Откуда знания?

Игорь объяснил, что отец в Первую мировую был в плену в Австро-Венгрии, сам он до войны учился в языковой группе еще ребенком, ну и в школе были хорошие преподаватели немецкого, который давался достаточно легко, учитывая практику с отцом.

– Проверьте, пожалуйста, его знания, – обратился Болтакс к женщине, пригласил Игоря присесть.

Тут лейтенант присмотрелся к женщине: молодая девчонка, чуть постарше его самого, этакая ладненькая, все на ней как влитое, живые глаза, пышная короткая прическа, настороженно ироническая улыбка «ну-ка, ну-ка»...

Несколько вопросов, естественно, на немецком, о родителях, о месте рождения, о самых простых бытовых вещах. Потом попросила почитать, перевести газету. Взял в руки, впервые держал в руках настоящую живую немецкую фашистскую газету!

– Если нужен словарь, берите.

Из гордости отказался, хотя некоторых слов так и не понял. Дала листок бумаги:

– Напишите все, что перевели, что поняли. Запишите по-немецки.

Потом протянула ему какую-то немецкую книгу, военную. Тут застопорило, потребовался словарь, да и сама она, как понял Игорь, не очень-то была сильна в военной терминологии.

Борис Иосифович молча наблюдал все это, не вмешивался, как бы отсутствуя. Но Игорь чувствовал его внимание, и не только к тому, как он переводит. К нему присматривались. То, что командир полка знает не только английский, стало ясно, когда он внес маленькие поправки раз-другой в перевод военных терминов, в какие-то речевые обороты.

Наконец, лейтенант Тимофеева, как оказалось дальше, Людмила Петровна, доложила Болтаксу: есть знания, навыки в немецком, преимущественно в литературном языке, в бытовом, но военной, а тем более солдатской жаргонной терминологией практически не владеет.

Взаимопонимание было установлено, вырисовывалось что-то новое. Командир полка объяснил, что лейтенант Тимофеева – единственный переводчик в полку и что она скоро уходит: готовится стать матерью. В полку, как сказал Болтакс, двенадцать командиров минометных взводов, хватит и одиннадцати, а без переводчика полку не обойтись. Из знающих

язык есть пока один Игорь, то бишь младший лейтенант Бескин, а посему – какие могут быть вопросы? Приказал кадровику Сурженко подготовить приказ о перемещении Бескина на должность военного переводчика второго разряда после убийства лейтенанта Тимофеевой. И тут же послали за начальником разведки полка капитаном Жилой, которого с трудом добудились – ночью лазили за «языком», объявили ему приказ. Распорядились сдать минометный взвод и поступить в распоряжение лейтенанта Тимофеевой. Начиналась новая полоса жизни на фронте.

Разведка – дело деликатное

Фронтовыми разведчиками не рождаются, их надо учить. Новое начальство, в общем-то, девчонка приказала: в 18.00 явиться на командный пункт полка в маскхалате, с автоматом, в валенках, с гранатами и фляжкой.

– Послушаем, что говорят немцы, – улыбнувшись, определила она задачу.

Если идем говорить с пленными немцами, то зачем автомат, гранаты – недоумевал Игорь. Явился, как было приказано. Она – в таком же снаряжении. И пошли. Но не в тыл, а к переднему краю. Спрашивать было неудобно. От штаба полка это полтора-два километра. Пришли к переднему краю, предупредили солдат и командира на этом участке, что выходят за передний. Хлебнули из фляжек по глотку и – дальше, теперь уже пригибаясь. Через сотню метров поползли.

Стало совсем темно, часов восемь вечера, но видно, что ползут они по ложбинке, где проторено что-то вроде тропы: очевидно, тут уже не раз разведчики выходили-входили. Глядя на ползущую впереди женщину, Игорь, испытывал простой человеческий страх, было жутко от неопределенности, и вдруг позарез захотелось по малым делам – то ли от мороза, то ли от страха, то ли от внутренней паники. Передний край остался позади.

Стараясь подавить страх чем-либо посторонним, вдруг вспомнил, как в 1935 году в «Артеке», в пионерлагере, во время военных игр всегда был разведчиком, и никем другим. Разведка на фронте, а не по приключенческим книгам – много прозаичнее и рискованнее, жестче, страшнее. А ведь детей натаскивали. Вот и судьба распорядилась не спрашивая – «в разведку!».

Лейтенант тихо предупредила – впереди еще наше боевое охранение. Выползли на них, объяснили, что идут на подслушивание. Впереди начинался густой кустарник.

– Постарайтесь не задевать ветки: стряхнете снег, сразу увидят, что тут кто-то прошел, – говорила шепотом, только когда случалась очередь пулемета или дальняя стрельба.

Проползли еще метров полтора. Женщина двигалась бесшумно, уверенно, деловито. Ее спокойствие действовало, мандраж прошел. Уж если женщина ведет себя так, как будто топает на полковую кухню, то ему, мужику, – дрожать не пристало. Доползли – в кустах лежка, усталая лапником – гнездо, видимо, используется давненько. До немецких траншей метров 20 – 30. В морозном воздухе временами полная тишина. Под аккомпанемент пулеметной очереди:

– А теперь слушайте, запоминайте, потом расскажете...

Зимой в траншеях мало кому охота разговаривать. Но там все-таки что-то происходило: сменялись часовые, обрывки каких-то фраз о посылках, о письмах долетали. Далеко не все было понятно, диалектов Игорь не знал, разговорная речь, тем более солдатская, жаргонная на передовой, была в новинку, да и фразы долетали разорванными, вперемешку с дальними очередями, разрывами.

Они слушали уже несколько часов.

– Не стесняйтесь, если вам что-либо нужно, отвернитесь – и порядок.

Потом отползла сама куда-то, и, когда выползали утром, на снегу были следы, похожие на его собственные. Сколь все просто на фронте. Хлебнули еще спирту, был с собой хлеб с салом. При вспышках ракет она изредка поглядывала на ручные часы, тогда еще это была редкость. У Игоря часов не было. Начинало светать, поползли обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.